

КНИГИ И ЛЮДИ

Я — книготорговец. Или, говоря по-нынешнему, лоточник. Правда, торговую я вестный городе психотерапевт. Берет он много. Это и очередной том из сочинений Платона, и «Техника гипноза» Капуньбы, и «Священные арканы Таро» Шмакова. Дружно суетим на неумолимо растущие цены, но расстаемся довольные друг другом.

— У Вас есть «Тридцатая любовь Скарлетт»?

Я веселюсь. Есть у меня примета: если первой спросят какую-нибудь попсирю — можно только слушать. О карме, об ауме, о третьем глазе, о психическом вампиризме, о мистиках и магах Тибета. Мне остается только ахать, всхлипывать руками, ужасаться и с тоской ждать ухода посто-

Представительный господинянного гостя. Узы, не покусившиеся с разночинской бородкой, из-за которых.

— Мужик, купи книгу! — небритый дяденька со вчерашним лицом дрожащей рукой протягивает роман Алексеева «Ившук неплачущая». На титульном листе жирная печать «Кутесская библиотека». С трудом избавляясь от любителей библиотечных книг и искренне улыбаюсь Игорю. С этим человеком просто приятно говорить. Токарь высшей квалификации, он по-настоящему интеллигентен, начитан, знает массу интересных подробностей. Сегодня у него хороший день: Игорь — поклонник индийского философа ОШО, а у меня новинка — пятый том «Тантры».

А вот эта дама постоянна: берет книги в долг. Происходит это так. Даю ей по-

смотреть, скажем, «Прогулки вокруг барака» Губермана. Дама просит книжку на дом — «Полистать на диване». Я даю. Через 2-3 дня дама приносит деньги. «Губерман прикипел к моему сердцу!» — высокопарно заявляет она. И так из месяца в месяц.

Залетного налогового инспектора, с разочарованием проверившего мои накладные, уговариваю купить «Налоги России». Он берет и, что удивительно, платит. С заскочившим на огонек Виталием Николаевичем пригождаем к позорному столбу издательство «Олимп», умудрившееся опубликовать в собрании сочинений Чайко один и тот же роман под разными наименованиями, с Сергеем Никоновым...

— Что Вы хотели? — ба, да это моя жена. Все, закрываю лавочку... Ни дня без книжки!

Ю. ГАЛОЧКИН.

студия 13

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

ФИЛОСОФИЯ. «Древнекитайская философия» в 2 томах, серия «Памятники философской мысли», переиздание (издательство «Принт», 363 и 384 стр., 5 тыс. экз., переплет).

«Антология даосской философии» («Клышиков-Комаров и др.», 448 стр., 30 тыс. экз., переплет).

Мартин Лютер. «Избранные произведения» (СПб. «Андреев и согласие», 230 стр., 10 тыс. экз., переплет).

«Алексей Хомяков. «Сочинения» в 2 томах (т. 1, 590 стр., 15 тыс. экз., переплет, приложение к «Вопросам философии»).

«Николай Рерих. «О Вечном...» («Библиотека этической мысли», издательство «Республика», 462 стр., 30 тыс. экз., переплет).

«Карл Густав Юнг о современных мифах» («Практика», 250 стр., 15 тыс. экз., обложка).

ИСТОРИЯ. «Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. 1857 — 1861» («Терра», 384 стр. большого формата, 10 тыс. экз., переплет).

«Россия в XX веке. Историки мира спорят» («Наука», 752 стр., 3 тыс. экз., переплет).

ЭКОНОМИКА. «От идеи к воплощению: как и где найти деньги. Справочник» («Независимая служба мира», 120 стр., 5 тыс. экз., обложка).

«Банковское дело. Справочное пособие» («Экономика», 400 стр., 10 тыс. экз., переплет).

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. «Василий Розанов. Собрание сочинений в 5 томах. (т. 1, 500 стр., «Республика», 25 тыс. экз., переплет).

МЫ ШЛИ И ОСТАНОВИЛИСЬ...

НАШ ПУТЬ пролегал из понимания того, что только плоскость листа поможет нам обрести уверенность проникновения в реальность. То был лист, пронизанный светом и тенью. Мы роняли через сито своей чувственности искрение мира, чтобы навсегда остановить миг распада нетленного и непрекращающегося. Капли наших интонаций слышались теми, кто стоял по ту сторону реки и бросал камни в эхо шумевшего когда-то леса. Тень нашего света ложилась на лист, обретая плоть сверкающих реминисценций. Пространство становилось плоскостью, цвет растворялся, а шум космоса обретал безмолвие. Но именно это привидливое спокойное безмолвие заставляло нас клокотать и перевоплощаться в мерцание дышащей ауры.

НАШ ПУТЬ, по-видимому, был не очень романтический, некоторые решили свернуть на обочину своего воображения; или свет, струящийся вдали, был нетелесен, что заставило других призадуматься о необходимости идти дальше. А может быть, меняющаяся высота свода не позволяла выбиривать восприятию и материализовывать пластичность. Но у нас был стол: вначале круглый, дающий всегда находить точки соприкосновения; затем длинный и прямоугольный — чтобы оказаться по разные стороны; а сейчас квадратный, символизирующий параллельность многих наших миров. Во всех случаях метаморфозы стола, однако, не позволили нам потерять предметность почвы, по которой пролегал наш маршрут, очерченный правым и левым берегом. А на маршруте возможны остановки нашего продвижения в колодец новой реальности.

НАШ ПУТЬ врезался в остановку, которую никто не хотел и не принимал. Но куда ли это? Любое движение требует энергии утренней росы, выпавшей после обильного ливня новых листов. И где, как не на остановке, есть возможность окунуться в прохладу неначавшегося дня и скинуть зной давно прошедшего вечера. Остановка, которая потеряла временные ориентиры, стала нашим бытнем, рождающим непредсказуемость коварных поворотов и тихое созерцание мира, наполненного непознанным и непрочувствованным. И только сейчас для нас наполнились плотью слова: «Учись у сосны быть сосной», — и только на остановке мы наконец прониклись бездонностью нерешающего мига, для которого искривлено в плоскости черно-белого листа.

Юрий ЕВЛАМПЬЕВ.

Ю. Евлампьев: Из цикла «СП-7». Черно-белая фотография. 17,9×23,8.